

Эфрейн плыл в бездне ни движения, ни звука, ни света, только чернота. Эфрейн отчетливо ощущал свое тело, каждый дюйм которого отчетливо вырисовывался в его сознании. Сквозь темноту к нему начали приближаться образы, сопровождаемые запахами давно минувших времен.

Кожу Эфрейна покалывало, когда теплые пальцы солнечного света коснулись ее. Это, конечно, не имело особого смысла, учитывая, что его кожа исчезла давным-давно. Но то, что он чувствовал сейчас, определенно было тем смутным давлением с неба, чего он не чувствовал уже много веков.

Тишину, в которой он пребывал, нарушали какие-то звуки-щебетание и крики птиц, может быть, чайки? Звук волн, бьющихся о скалы, и легкий ветерок. Он полулежал на чем-то прохладном и твердом, прилепившемся к его телу, на каком-то стуле. Изображение перед ним было искаженным и неясным, как будто он смотрел на сцену из-за водопада. Пятна бежевого и розового цветов создавали ярко-красную полосу, которая танцевала на фоне белых и синих цветов.

- Вообще-то, - услышал он женский голос, - я очень люблю клубнику.

Изображение расплывалось и искажалось, солнечный свет уходил в темноту.

Потом стало холодно - влажный холод, маленькие его удары, которые казались почти освежающими, когда они стучали по его телу. Он устал, даже вымотался - его руки и ноги безвольно лежали вдоль тела, пылая от страшной усталости. Четыре силуэта стояли перед ним на фоне серого, один из них тянулся к нему. Он почувствовал рывок вверх, когда его подняли на ноги, ноги дрожали от напряжения. Голоса эхом разносились по сцене, один из них принадлежал той же женщине, и все они были размыты сильными порывами ветра.

- Все здесь, нет...

- ... все мертвы?

- Это маловероятно.... выживший.

- Где же он? Разве я не должен... быть здесь?

Звук заставил его тело гудеть, и земля под ним задрожала, когда серый цвет стал синим, а затем белым. Что-то похожее на солнечный свет лилось вниз, затуманивая его зрение, когда он повернулся, чтобы посмотреть на небо, синее и Пурпурное, сливающееся с размытыми булавочными уколами. В центре этой ночи - звезда, огромная и яркая, горевшая, как солнце. Когда он попытался разглядеть больше деталей, черная и мерцающая волна поднялась, закрывая звезду и небо. Он попытался повернуться, побежать, но ноги так устали и так медленно двигались, словно сквозь сироп. Темнота обрушилась на его спину, швырнув его на землю, когда он начал гореть.

Это было ощущение, подобного которому он никогда не знал - оно не было ни горячим, ни холодным, но тем не менее обжигало, как огонь. Его плоть распалась от этого прикосновения, растворяясь, когда пламя пронзило его. Боль пришла вскоре после этого, прокусывая его тело, когда оно было разорвано на части. Не было никаких мыслей, ничего не приходило в голову, только вихрь эмоций: шок, осознание, предательство, ярость и, наконец, ненависть. Когда ощущение в плечах и спине исчезло, а ненасытная боль потекла вниз по лицу и груди, что - то поднялось внутри. Эта штука пузырилась, расширяясь сквозь его трескающуюся и сочащуюся плоть, пока не взорвалась и не окрасила его мир в оттенки ярости.

Эфрейн закричал, когда боль поглотила его.

Потом он снова оказался в повозке, холодный воздух окутал его, и что-то острое уперлось ему в шею. Его глаза проследили за яркой стальной линией до руки, которая держала его. Это был один из Паладинов, глаза которого горели от страха и гнева, когда она приставила острие к тому месту, где должно было быть его горло.

- Объяснись! - Она зарычала на него.

Эфрейн молчал, обдумывая то, что только что произошло. Он был в другом времени, в другом месте, это была память, он был уверен в этом - но чья? Он посмотрел туда, где сидела девушка, и увидел, что другой Паладин держит ее за запястье, осторожно поворачивая его и внимательно осматривая. Глаза девушки опухли и покраснели, когда она увидела, как рыцарь работает ее рукой.

Эфрейн услышал шипящий звук и, опустив глаза, увидел инни, прижавшуюся к его коленям с широко раскрытыми глазами и пылающей шерстью. Он осторожно положил руку ей на голову и нежно погладил ее, когда она задрожала.

- Похоже, я совершил ошибку. - Сказал он. Каким-то образом он отчетливо ощутил ощущение драймаута, когда эти слова вырвались наружу.

- Ты называешь нападением на почитаемого героя церкви ошибку! - воскликнул Паладин перед ним, вонзая острие меча ему в горло.

- О, черт возьми, - подумал Эфрейн, - неужели посвящение Паладина включает в себя священный кирпич, пробитый через их священный череп?

Ну что ж, если он собирался погибнуть в бою, то у него был особенно большой огненный шар, предназначенный для головы этой женщины. Посмотрите, как вся подготовка и вооружение в мире справлялись с огненной завесой волос.

- Есть непонимание.

- Недоразумение? - Сказала она, и острие погрузилось так глубоко, как только могло. Еще немного, и возникнет серьезный риск того, что чары будут разрушены и иллюзия развалится.

- Да, недоразумение. Теперь вы позволите мне объяснить, как вы хотели, или вы будете говорить о любом объяснении, которое я собираюсь дать? - Сказал он, и в его голосе появились раздраженные нотки.

- Почему ты ... - сказала Паладин, сжимая пальцами рукоять клинка.

- Лилиан! - ответил другой рыцарь, повернувшись к ним лицом. - пусть он говорит."

Женщина посмотрела на него, потом снова на Эфрейна и со звуком отвращения слегка отвела взгляд.

- Объясняй. Какое у нас недоразумение? - спросил другой паладин, сверля Эфрейна взглядом.

- Вот видишь... - Я совершил ошибку, позволив ей прикоснуться к моей спутнице. Она не просто кошка, но и своего рода дух. Как таковая, она очень чувствительна к памяти. К тому времени, когда я понял, что может возникнуть проблема, было уже слишком поздно.

Глаза женщины - Паладина Лилиан сузились, она все еще крепко сжимала меч. Эфрейн слегка повернулся, чтобы взглянуть на девушку, и склонил голову, надеясь, что это будет истолковано как сожаление.

- Надеюсь, вы не ушиблись, мадам Сороре. Моим единственным намерением было предотвратить ваш дальнейший контакт с Инниалисией, чтобы вам обоим не причинили вреда. В своей спешке я, возможно, был излишне настойчив, и я полностью извиняюсь, если это было так.

"Ну же, ублюдки, берите оливковую ветвь", - подумал Эфрейн, когда напряженная тишина воцарилась в фургоне. Другой Паладин повернулся к Сороре и спросил ее:

- Жжение на твоей ладони и реакция этого "духа", похоже, сходятся. Как вы думаете, что нам делать, мадам Сороре?"

Девушка переводила взгляд с Паладина на Эфрейна и обратно, на ее лице застыло замешательство.

- Я? - спросила она.

- Конечно, - ответил Паладин, - ты герой церкви. В конечном счете, мы служим вам, и этот человек, намеренно или нет, причинил вам вред. Это твое решение.

- Я думаю... - сказала она, колеблясь, - я думаю, что он не хотел ничего плохого. Это был просто несчастный случай. Он не должен страдать из-за этого.

Мужчина кивнул, улыбнулся ей, а затем встал, пересек разделявшее их расстояние и посмотрел на Эфрейна сверху вниз. Его улыбка испарилась, сменившись выражением, которое больше напоминало кусок железа.

- Мадам Сороре сказала свое слово. Я должен уважать ее и желания командира, но это не значит, что я не могу игнорировать то, что только что произошло. Вы должны держаться подальше от каждого из героев. Лилиан, ты останешься с этой стороны фургона и присмотришь за нашим гостем.

Он отвернулся, чтобы занять свое место на заднем сиденье, а Сороре устроилась рядом с братом на подушках, баюкая его руку. Лилиан села прямо напротив него, ее глаза прожгли дыру в его маске. Повозка катилась дальше, братья и сестры тихо разговаривали или играли в какие-то игры, два Паладина внимательно следили за Эфрейном, а другой герой молча читал. Свет начал меркнуть, когда Эфрейн сел, поглаживая шерсть Инни, спящей у него на коленях.

Через некоторое время, когда свет почти совсем померк и наступила ночная прохлада, качка наконец прекратилась. Через несколько минут паж просунул голову в скатерть и сообщил, что отряд отправляется в лагерь. Эфрейн встал, торопясь покинуть тесное помещение, но Лилиан последовала за ним.

- Я думал, твой долг-защитить героев. - Как можно более бесстрастно заметил Эфрейн.

- Мой долг-следить за тобой, - коротко ответила она.

- Лилиан! Отпусти его. Это не наша работа-присматривать за ним, если его нет рядом с героями. - Ответил другой Паладин, которого Эфрейн готов был расцеловать за то, что тот спас его от обвиняющего взгляда. То ли из логики, то ли по старшинству она подчинилась его

приказу, ворча, пока он протискивался сквозь складки.

Эфрейн вышел на залитые лунным светом скалы и снег. Процессия остановилась на небольшом возвышении рядом с дорогой, рыцари устанавливали укрытия и костры вокруг края поляны. Рядом с фургоном стояла большая палатка, украшенная эмблемой церкви - командирский пост. Он подошел к большому очагу, где несколько рыцарей, включая Найю и, к счастью, исключая Эррента, сидели и разговаривали над деревянными чашами. Запах, доносившийся из железной печи, был простым и сытным, как любое хорошее лагерное рагу.

Найя повернулась к нему, сверкнув быстрой улыбкой, когда он протянул ему миску с тушеным мясом.

- А! Наш гость проснулся, присоединяйтесь к нам. - Сказал он, отодвигаясь, чтобы освободить место на бревне, на котором сидел.

Эфрейн кивнул в знак благодарности и опустился на грубое дерево, а остальные солдаты усадились на него.

- Мужчины, это ... - Найя на мгновение замолчала, потом он рассмеялся.

- Вообще-то я никогда не слышал вашего имени. Не окажете ли Вы нам любезность представиться? - Сказал он.

- Эфрейн, - сказал Эфрейн, - не стесняйтесь называть меня так.

Солдаты кивнули и тоже представились. Теперь они, казалось, чувствовали себя непринужденно с Эфрейном, возможно, из-за того, что их собственный командир явно расслабился.

- Итак, Эфрейн, - продолжала Найя, - что именно я подобрала на обочине дороги?"

Эфрейн улыбнулся, одновременно нервничая и радуясь, что наконец-то может использовать историю, которую он сочинял большую часть этого дня.

- Ну, командир, - сказал он, добавив более небрежный тон, чтобы соответствовать тону Найи, - вы выбрали "Повелителя смерти."

<http://tl.rulate.ru/book/35048/1115693>